

Краеведческий альманах

Этот номер «Приокской глубинки» вышел в свет в год 200-летия Победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. И, хотя, на выксунской земле не было военных сражений, Выкса причастна к этой великой победе русского оружия. Выксунские заводы поставляли в армию пушки, пики, снаряды, бомбы, ядра разных калибров, гранаты, шанцевые инструменты.

Г. К. Никулина

**ПРИОКСКАЯ
ГЛУБИНКА**

Выкса 2012

Приокская глубинка № 1 (12) • 2012

Уважаемый читатель!

Немало наших земляков прославили Выксу на полях сражений. Среди них генерал-лейтенант Дмитрий Дмитриевич Шепелев – герой Отечественной войны 1812 года. По сей день в центре Выксы стоит дом, стены которого помнят Д. Д. Шепелева, владельца Выксунских заводов с 1821 г. по 1834 г.

В этом номере вы, читатель, узнаете о Дмитрие Дмитриевиче Шепелеве, о том, какие события происходили в Московском дворце в сентябре 1812 года. Прочитаете текст письма, которое Д. Д. Шепелев прислал Ивану Родионовичу Баташеву в 1814 году из Гамбурга.

С этого номера вашему вниманию будет предложена новая рубрика «Наши генералы», в которой будут публиковаться материалы об известных земляках - защитниках Отечества. Мы предлагаем вам познакомиться с первой частью материалов, автор которых наш земляк, контр-адмирал, краевед Ф.В. Буданов.

Николай Михайлович
АРСЕНТЬЕВ

РОД ШЕПЕЛЕВЫХ¹

В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» дано следующее описание герба рода Шепелевых: «Два льва, смотрящие в стороны с загнутыми хвостами. Намет на щите с правой стороны серебряный подложен голубым, а с левой красный подложен серебром».

По родословным книгам история рода Щепелевых в России восходит к XIV веку. Как сказано в «Общем гербовнике», в 1376 г. «приехал из Немца из Свейскаго Королевства в Польшу муж честен именем Шел, который по крещении назван Георгием, и переселился в Россию к великому князю Дмитрию Иоановичу Донскому. У сего Георгия был сын Петр по прозванию Шепель, коего потомки Щепелевы Российскому Престолу многие служили Воеводами и в иных чинах, и жалованы были от Государей поместьями и чинами. Все сие доказывается родословною Щепелевых и другими справками².

Однако в плане чистоты рода у Щепелевых, как и у Баташевых, было немало проблем. В известном труде Гельбига

¹ Печатается с согласия автора по изданию: Н.М. Арсентьев А.М. Дубодел «Отечеству служить обязаны...» — С-Пб., 2000 г.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году: в 10 ч.: ч. 3. — СПб., 1799-1840. Л. 20.

Герб Щепелевых

«Русские избранники», опубликованном в переводе М.Н. Логина с его примечаниями и добавлениями, автор замечает, что родоначальником дворян Щепелевых был не придворный человек, а крепостной, «русский простолюдин», который находился при «смазке колес у придворных карет при Петре I». С того времени они и ведут свое дворянство. Этот «случайный

человек» — отец нового владельца баташевских заводов обер-гофмаршал Дмитрий Андреевич Щепелев³. Насколько это соответствует действительности, сейчас сказать трудно. В 60-80-х гг. XIX века в периодической печати по данному вопросу даже развернулась дискуссия.

А. Дмоховский в «Заметке о роде Щепелевых», также опубликованной в «Русском архиве» в 1865 г., по этой проблеме привел много новых материалов, полученных из правительствующего Сената по департаменту герольдии, из копий с «Родословной» и с «Книги Родословий». Автор вновь стремится доказать начало рода от Шелла, который и был внесен в «Родословную». Он уточняет ряд моментов легенды рода Щепелевых. В частности, подчеркивает, что в «лето 1376 г. приехал из Немцев из Свейскаго королевства в Польшу к королю Ольгерду муж честен по имени Шел, с вотчиною Ермоливальскою, и в Польше крестился, и в крещении ему имя Георгий, по прозванию Юрий, и их Польши приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому; а у Юрия дети: 1-ый Петр прозвище Шель, и от него повелись Щепелевы, 2-ой сын Нестер, и от Нестера повелись Нестеровы».

По материалам А. Дмоховского в «Родословную» внесено 18 поколений Щепелевых. Дмитрий Андреевич при-

³ Гельбиг Георг фон. Русские избранники. Перевод с немецкого, предисловие и примечание В.А. Бильбасова. М., 1999. С. 89.

надлежал 15-му колену потомства Шелла. Из предков его многие Щепелевы жаловались грамотами на разные вотчины в Калужской губернии, занимали важные государственные, гражданские и военные должности, участвовали в сражениях, некоторые из них были убиты. Например, пожалованы грамотами в 10— колене Нефедий, в 11-м — Григорий (по прозвищу Лыка) и воин, в 12-м — Алексей. Упоминаемые Григорий и Воин были, соответственно, полковым воеводой и Мценским воеводой при царе Михаиле Федоровиче. Тимофей из 12-го колена был главою у Московских стрельцов при царе Михаиле Федоровиче, Савва из 13-го был в Темникове воеводой, Иван, умерший от ран, — полковником у рейтар, Агей — генерал, думный и воевода. В память о заслугах рода Щепелевых Дмоховский приводит следующий перечень предков, погибших в войнах, что вела Россия: «Андрей — под Муромом, когда приходил Лисовский; Петр — в Немецком походе при царе Федоре Ивановиче; Василий — под Ригою; Андрей и Михаил — на службе; Семен — под Троицком; Иван, Прохор и Петр — под Конотопом»⁴.

Возвратимся вновь к особе отца нового владельца заводов Дмитрию Андреевичу Щепелеву. Хотя о нем ничего в «родословной» не сказано, из этого не следует, что он происходил из простолюдинов. Точных известий по данному поводу нет. Генеалогия даже и княжеских родов, не игравших первых ролей в московской царской администрации, российскими историками еще далеко не проработана, а дворянских — тем более. Несмотря на недостаточную полноту сведений о происхождении рода Щепелевых, известно, что все Щепелевы XVIII века, имевшие по состоянию и по служебной иерархии вес и значение, были родственниками.

Судьба Дмитрия Андреевича удивительна. Блистательными способностями и личной храбростью он сам себе проложил дорогу к почестям. Он служил при пяти

⁴ Дмоховский А. Заметки о роде Щепелевых // Русский архив. 1867. Кн. 1–3. С. 475–480.

государях и удостаивался от них постоянных повышений. К примеру, при Петре I служил в гвардии и находился при царе, сопровождал его в 1716 и 1717 гг. во втором его путешествии по Европе; был вместе с ним в Дании, Голландии и во Франции, исправляя должность гофмаршала. Император Петр II произвел Щепелева в обер-гофмаршалы и возложил на него орден Св. Александра Невского. Елизавета Петровна пожаловала его генерал-аншефом и кавалером ордена Св. Андрея первозванного. Этот человек был от природы наделен многими талантами, его одновременно и уважали, и боялись. Гельбиг писал, что он был «ненавистен своею грубостью», а Д. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей Русской земли» с восхищением заметил о нем: «...к чести сего почтенного современника великому монарху (Петру I. — Примеч. авт.), следует упомянуть здесь, что он устранил себя от произнесения рокового приговора над царевичем Алексеем Петровичем». Такая черта характера говорит о многом и не требует дальнейших комментариев.

Немалую известность среди представителей рода Щепелевых получил также племянник Дмитрия Андреевича, сын его родного брата Степана, генерал-поручик Амплей Щепелев, выведенный в люди не без помощи своего дяди. Богатство и влияние Щепелевых зависело часто не только от служебной карьеры. Они еще входили в широкие связи и через супружество, например, богатства Амплея Степановича находятся в тесной связи с родом графа Матвеева, на дочери которого он был женат.

Из родословной книги, изданной редакцией журнала «Русская старина», видно, что предок графов Матвеевых был воеводой при царе Иване Грозном. Однако, насколько это соответствует действительности, сейчас сказать трудно. Е.П. Карнович по этому поводу высказывает другую версию. Он сообщает, что работал над источниками, по которым дед знаменитого ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева (родился в 1625 г., убит стрельцами в 1682 г.) — Нестеренко

Матвеев — был простолюдин и торговал рыбой. До Артамона Сергеевича фамилия Матвеевых не была ни знатной, ни богатой. Первой причиной ее возвышения при царском дворе стало родство Матвеева с Нарышкиным, получившим большое влияние при дворе Алексея Михайловича. При участии своего могущественного тестя Матвеев достиг высокого служебного положения, владел богатыми вотчинами и поместьями. Однако вследствие политических интриг был обвинен во взяточничестве, притеснениях и вымогательстве: якобы во время управления Новгородским приказом он безвинно разорил множество вотчин и таким способом нажил свои богатства. В 1680 г. Матвеев был сослан в Пустозерск, потом перевезен в Мезен, затем переправлен в г. Лух. С воцарением Федора Алексеевича Матвеев был вызван в Москву, и ему были возвращены все отнятые у него поместья и вотчины. После его смерти единственным наследником богатств Матвеевых стал сын — Андрей Артамонович (1606—1728 гг.). Будучи действительным тайным советником, а в 1715 г. еще и получив графское достоинство, новый владелец заметно приумножил богатства рода. Старшая из дочерей, графиня Мария Андреевна, обратившая на себя внимание Петра Великого, была сосватана царем за Петра Ивановича Румянцева. Брак этот стал основой колоссального богатства Румянцевых. Хорошее приданое получили и две другие дочери графа Андрея Артамоновича: старшая, Наталья Андреевна, вышла замуж за князя Василия Ивановича Мещерского, а младшая — за генерал — поручика Амплеля Степановича Щепелева. Впрочем, так как наследников не осталось после смерти последнего из рода Матвеевых — графа Федора Андреевича, умершего в 1734 г., холостым, — зятя получили все владения угасшего рода графов Матвеевых. Уже с этого времени фамилия Щепелевых по своему богатству была заметна среди русского дворянства⁵.

Нельзя не вспомнить, анализируя историю рода Щепелевых, и сына генерал — поручика Амплеля Степановича — Петра, женившегося на племяннице князя Потемкина-Таврического, урожденной Энгельгардт. Этот представи-

⁵ См.: Карнович Е.П. Указ. соч. С. 104—105.

тель рода Щепелевых достиг впоследствии первоклассного чина и звания сенатора. Как о всяком человеке, быстро сделавшем такую блистательную карьеру, о П.А. Щепелеве существовало немало домыслов. Упоминаемый Лонгинов в своих «Случайных людях в России», к которым он относит весь щепелевский род, приводит самые негативные характеристики по этому поводу. По преданиям, бытовавшим в тесном кругу фамилии князей Голицыных, о Петре Амплеевиче Лонгинов рассказывал, что «светлейший Потемкин, позавидовав успехам князя Петра Голицына, решил, во что бы то ни стало, отделаться от него, и нашел человека, готового на злодейство ради разных выгод и покровительства. Это был Петр Амплеевич Щепелев, который как-то придрался к князю Петру Голицыну, вышел с ним на поединок и убил его изменческим образом.

После этого он получил в награду руку племянницы Потемкина Надежды Васильевны Энгельгардт, а затем и открылся ему путь к повышениям и богатству». Дмоховский же считал, что данная легенда возникла из-за пристрастного отношения Голицыных к Щепелевым. Петр супружеством с Н.В. Энгельгардт и своей карьерой, прежде всего, был обязан своим предкам, обладавшим и знатностью, и богатством. Другие знатные семьи также почитали за честь породниться с Щепелевыми.

Мавра Егоровна Щепелева, дальняя, по 8-му колону племянница Дмитрия Андреевича, родным прадедом имела упомянутого выше Агея, генерала и думного воеводу. Вышла замуж за графа Шувалова, представителя рода, не славящегося древностью, а вознесенного наверх почестей, богатств и всевозможных отличий во время дворцового переворота 25 ноября 1741 г., когда два брата, Александр и Петр, оказались в ту решительную ночь в числе молодых дворян при дворе цесаревны Елизаветы Петровны. Во второй половине XVIII века графы Шуваловы состояли в числе самых приближенных ко двору лиц.

Положением в свете определен был и брак старшей дочери нового владельца баташевских заводов — Елизаветы

Дмитриевны Щепелевой с графом Иваном Павловичем Кутайсовым, представителем рода, пользовавшимся большим влиянием в конце XVIII века, прежде всего во время правления императора Павла I. Родоначальником династии графов Кутайсовых, как известно, был Иван Павлович, некогда плененный мальчик-турок, окрещенный и отданный Екатериной II в прислугу великому князю Павлу Петровичу. Муж Е.Д. Щепелевой, тезка основателя рода Кутайсовых, приходился ему внуком, родившимся от брака его старшего сына Павла Ивановича с княжной Прасковьей Петровной Лопухиной, родной сестрой княгини Анны Петровны Гагариной, имевшей большое влияние при дворе Павла. Для иллюстрации влияния и знатности рода Щепелевых приведем сведения о других браках детей П.П. Лопухиной и П.И. Кутайсова: старшая дочь, графиня Анна Павловна, была за грузинским царевичем Окропиром Георгиевичем; младшая, графиня Александра Павловна, — за князем Александром Алексеевичем Голицыным; младший сын Ипполит Павлович был женат на княжне Наталье Александровне Урусовой.

Младшей дочери Анне Дмитриевне граф — заводовладелец помог составить хорошую партию с одним из представителей славного рода князей Голицыных — Львом Григорьевичем. Князья Голицыны вели свое начало от литовских князей, которые с XVI века служили русским царям и пользовались большим влиянием при дворе⁶.

Во второй половине XIX века род Щепелевых потерял былое значение при дворе, и сразу же нашлись доброжелатели, решившиеся поквитаться за обиды предков. В 80-х гг. на страницах журнала «Русская старина» вновь развернулась дискуссия по поводу объявления Гельбигом графов Щепелевых случайными людьми в российском дворянстве. Известная писательница того времени графиня Е.В. Салиас де Турнемир (Евгения Тур), ссылаясь на документы истории рода и биографические сведения В.А. Бильбасова, вновь категорически отвергала эти обвинения. «Показания

⁶ См.: Дмоховский А. Указ. соч. с 475—480.

Гельбинга, — отмечала она, — что Щепелев был крепостной человек, совершенно неверны. Род Щепелевых — один из древних и славных воинскими доблестями дворянских родов. Представителей его в настоящее время осталось немного: один из них командует артиллериею в московском округе — генерал-лейтенант Щепелев. По женской линии — брат мой А.В. Сухово-Кобылин, сестра моя Петрово-Соловова и я, а также мои двоюродные братья Жуковы, из которых один женат на моей дочери, — имели мать из того же рода Щепелевых»⁷.

⁷ Е. Салиас. (Евгения Тур). Щепелевы // Русская старина. 1887. Т. 55. №7. С. 163.

Д.Д. ШЕПЕЛЕВ – ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА¹

Дмитрий Дмитриевич
Шепелев

Дмитрий Дмитриевич Шепелев родился в 1771 г. в Калужской губернии в семье коллежского асессора Дмитрия Михайловича Шепелева. В 1782 г. Дмитрий был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. Через 10 лет получил первый офицерский чин прапорщика, а в 1793 г. прибыл в Мариупольский легкоконный полк секунд-майором.

В марте 1794 г. началась русско-польская война. Шепелев участвовал в ней в чине премьер-майора. За сражение с польскими конфедератами при Хельме он был награжден орденом святого Георгия 4-го класса. Как говорится в приказе, этой награды он удостоился «за отличную храбрость, оказанную 28 мая 1794 г. в Польше при Хельме, где отбил у неприятеля 3 пушки».

В следующий раз он отличился при штурме Праги 24 октября 1795 г., командуя батальоном Низовского пехотного полка. В бою бесстрашный офицер был ранен картечью в плечо и осколком бомбы в правую руку. За проявленный героизм он был награжден орденом Святого Иоанна иерусалимского (Мальтийским крестом).

В дальнейшем Дмитрий Дмитриевич принял участие в Персидском походе 1796 г., а также в Швейцарском походе 1799 г. во время русско-французской войны, когда он получил чин полковника.

¹ Печатается с разрешения автора по изданию: Д.Д. Шепелев — герой Отечественной войны 1812 года. С., 2008.

29 октября 1800 г. Шепелев был назначен шефом владимирского драгунского полка, затем был переведен командиром в Грузинский гусарский полк, а вскоре стал шефом этого полка. 23 апреля 1802 г. он был пожалован во флигель-адъютанты при штабе императора.

В кампании против французов 1805 г. Шепелев занимал должность бригад-майора в корпусе генерала Ф.Ф. Букстевдена. В этом качестве 20 ноября он принял участие в знаменитой Аустерлицкой битве, закончившейся поражением объединенной русско-австрийской армии.

* * *

Особая страница военной биографии Шепелева связана с Гродненским гусарским полком. Получив назначение на должность шефа полка 23 июня 1801 г., он энергично принялся за формирование вверенной ему части. Это был нелегкий труд: полк пришлось склеивать из эскадронов разных полков, в которых дух и обычаи были совершенно различными. Шепелев с честью справился с порученным делом.

В декабре 1806 г. началась новая война с Францией. Она велась на территории Пруссии. В начале января 1807 г. гродненский полк выдвинулся в поход, конечной целью которого был Кенигсберг. 28 января гродненцы форсированным маршем прибыли в переполненный ранеными, обозами и отставшими от полков людьми город. 31 января они приняли свой первый бой у деревни Мышеницы.

За сражение при Гутштадте полковник Шепелев был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 24 мая против французских войск...».

24 мая произошла битва у Анкендорфа. В самый ее разгар Шепелев со своим полком напали на готовящегося к переправе через Пасаргу отступающего неприятеля. Произошла отчаянная сеча, в результате французы отступили, в руках гусар осталась масса пленных. 28 мая Шепелев получил приказ воспрепятствовать замыслу французов пере-

Гусар в парадной форме

правиться через Алле и обойти левое крыло русских войск. С заданием он с успехом справился. А 29 мая состоялось сражение у Гейльсберга, в котором гродненцы продемонстрировали полное бесстрашие перед лицом неприятеля.

До рассвета 31 мая Шепелев с полком простояли на берегу Алле, наблюдая за французскими аванпостами, в то время как наша армия отступала, а затем двинулись следом к Фридланду. У стен этого города должен был решиться исход кампании.

Одним из интереснейших эпизодов Фридландской битвы была рукопашная схватка русской и французской кавалерии. В общей сложности на поле действовали 85 эскадронов.

В ходе длительного боя, в котором пехота не участвовала, верх одержали русские всадники, показавшие отличную выучку, смелость и стойкость. Большую роль в разгроме неприятеля сыграл полк, руководимый Д.Д. Шепелевым.

За славное Фридландское дело шеф Гродненского гусарского полка был произведен в генерал-майоры и награжден золотой саблей, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Фридландское сражение для русской армии было тем, что французы называют славным поражением, т.е. поражением, которого не стыдятся. Прижатые к реке, под убийственным огнем вражеской артиллерии, усталые войска, зная, что победа на стороне врага, не подняли белого флага. Никому даже в голову не пришло сдаться.

Началось печальное отступление к Велау и далее, к Тильзиту. Деятельность Д.Д. Шепелева заключалась в прикрытии отступающих частей от нападения неприятеля. Дойдя до Тильзита, гродненцы остановились впереди главных сил на правом берегу Немана.

С 7 июня военные действия были приостановлены. А 25 июня в Тильзите между Россией и Францией был подписан мирный договор.

* * *

В ноябре 1807 г. в Дисну, где расположились на отдых Шепелев и его полк, пришло известие о том, что мир, существовавший с 1790 г. между Швецией и Россией, прерван и началась новая война.

Гродненский полк выступил в поход в последних числах ноября и 20 декабря прибыл в Петербург. Впереди была Финляндия с многочисленными озерами, дремучими лесами и топкими болотами.

В ночь с 8 на 9 февраля 1808 г. русские отряды (24 тысячи человек) под командованием Буксгевдена перешли границу Финляндии. Молниеносным маневром они захватили приграничные города и отбросили шведов к Тавастгусу.

Атака Гродненского гусарского полка. Худ. Н.С. Самокиш

Д.Д. Шепелеву было поручено занять город Або и, при благоприятных условиях, Аландские острова. 13 февраля его отряд выступил к Або в полной неизвестности, с какими силами придется иметь дело. Каково же было удивление гусар, когда вместо ожидаемых пушечных выстрелов авангард русских войск был встречен у ворот Або жителями города и офицером Гродненского полка, идущим впереди них! Как оказалось, он вез донесение из штаба, ошибся в расчетах и прибыл в город задолго до прихода отряда. Офицер не растерялся и сумел расположить к себе местную власть.

После Або наступила очередь Аландских островов. Битва за них шла с переменным успехом. К концу 1808 г. вся материковая Финляндия была в руках русских войск, но над Аландскими островами продолжал развеваться шведский флаг. Занятый неприятелем Аланд мог быть вечной угрозой российскому побережью. Для захвата последнего оплота шведского владычества на финской земле был назначен особый корпус, в состав которого вошел и генерал-майор Шепелев. Командование этим корпусом было вверено князю П.И. Багратиону.

7 марта 1809 г. Аландские острова были, наконец покорены, а к началу осени сопротивление шведов окончательно сломлено. 2 сентября во Фридрихсгаме был подписан мирный договор, подведший итоги войны.

Тяжело раненный, больной, изнуренный походами, Дмитрий Дмитриевич в начале 1810 г. подал прошение об отставке. Прощение было удовлетворено, и генерал был уволен из армии «с мундиром». Увольнение «с мундиром» являлось своего рода наградой за отличную службу. Шепелев не без сожаления оставил собственноручно сформированный полк, который столько раз водил в бой. Гродненцы, со своей стороны, с грустью проводили храброго и распорядительного шефа, у которого в полку не оказалось ни одного недоброжелателя, ни одного обиженного несправедливостью или излишней строгостью человека.

* * *

12 июня 1812 г. началась Отечественная война. Шепелев не остался в стороне от происходящих событий: уже 5 июля он был вновь зачислен на военную службу. На пути в действующую армию его сопровождал крупнейший обоз из повозок с дворовой челядью и массой всевозможных припасов, а также принадлежностей роскоши и комфорта. На беду, караван попался на глаза самому Александру I. Разгневанный царь распорядился, чтобы генерал повернул обратно в свое имение, так как «он едет не воевать, а пировать». Однако вскоре Дмитрий Дмитриевич был прощен и занялся формированием гусарского и конного казачьего полков. Недовольный этим назначением Шепелев обратился к московскому губернатору Ф.В. Ростопчину с просьбой, чтобы тот хлопотал о его переводе в действующую армию.

29 августа 1812 г., после Бородинской битвы, генерал-майор Шепелев был прикомандирован ко 2-й армии. В качестве командира гвардейской кавалерийской бригады (лейб-гвардии Конного и Кавалергардского полков) он прибыл в Тарутино.

Бой за Багратионовы флеши. Худ. А.Ю. Аверьянов

Даже в условиях бивачной жизни Дмитрий Дмитриевич не бросал привычки хлебосольного хозяина. Он давал обеды, о которых потом долго помнили его друзья и соратники. Один из таких обедов описал Ф.Н. Глинка в книге «Письма русского офицера»:

«4 октября 1812 г. Село Тарутино. Сегодня генерал Милорадович взял меня с собой обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг... имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов...»

6 октября русская армия выступила из Тарутинского лагеря и напала на лагерь французов. В этом сражении принял участие и Шепелев. В дальнейшем он, во главе своей тяжелой кавалерийской бригады (воины обоих полков были экипированы кирасами, защищавшими их от сабельных ударов), особенно отличился в боях при Мало-

ярославце (12 октября), Красном (4–6 ноября), а также при преследовании французской армии до реки Березины (14–17 ноября).

Бой под Малоярославцем. Худ. П. Гессе

* * *

В декабре 1812 г. Шепелев был назначен начальником 2-го авангарда войск генерала П.Х. Витгенштейна. Вскоре произошло знаменательное событие: гродненский полк был выделен из отряда генерал-майора Дибича и передан генерал-майору Шепелеву по личному его ходатайству. К общей радости гусар, им пришлось снова встретиться с дорогим им бывшим шефом полка.

18 декабря 2-й авангард занял польский город Зоммерау, затем разгромил французский корпус Макдональда, защищавший подходы к Кенигсбергу. 24 декабря город был взят. За эту победу Дмитрий Дмитриевич был произведен в генерал-лейтенанты.

Войска под командованием Д.Д. Шепелева продолжали преследование противника до реки Вислы. 31 декабря остатки французской «великой армии» перешли Вислу, неприятель был изгнан из пределов России. Авангард ар-

Кенигсберг. Орденский замок

мии генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна под командованием генерал-лейтенанта Д.Д. Шепелева остановился на отдых у города Пильшау.

С первого дня нового года началась новая кампания, война за освобождение Германии. В дальнейшем Дмитрий Дмитриевич принял участие в освобождении Пруссии, блокаде городов Данцига и Гамбурга.

О своих успехах и проблемах Д.Д. Шепелев рассказал в письме А.И. Горчакову: «...за Кенигсберг я произведен в генерал-лейтенанты... Прусские города в 14 дней от неприятеля мною очищены. Граф Витгенштейн приготовил мне в Кенигсберге корпус, чтобы идти к Берлину. По совершении возвращения в Кенигсберг, к графу, простудил себе ноги и получил ревматизмы, так что доктор советовал немедленно ехать в Россию на лечение...»

Дмитрий Дмитриевич просит у Витгенштейна разрешение на отпуск. Граф отправляет письмо об этом фельдмаршалу и, не дождавшись ответа, посылает прошение царю, но получает отказ. Государь настаивает на продолжении службы.

Не в силах что-либо изменить, Дмитрий Дмитриевич, несмотря на мучившие его болезни, продолжил службу. Он принял участие в блокаде Гамбурга, потом находился

в Шлезвиг-Гольштейне, где осуществлялось переформирование войск. Переформированию подверглась и армия П.Х. Витгенштейна. В нее вошли 82 батальона, 31 эскадрон, 40 казачьих полков, 182 орудия.

Генерал-лейтенанту Шепелеву был поручено командование гусарской дивизией, состоящей из 14 эскадронов и одной конной артиллерийской роты. 20 февраля с армией Витгенштейна дивизия заняла Берлин.

Дальнейшие хроники действий Шепелева на этой войне нам неизвестны, но после ее завершения в марте 1814 г. взятием Парижа Дмитрий Дмитриевич тотчас же начал ходатайствовать об увольнении в отпуск.

2 апреля 1816 г. Шепелев со всеми почестями покинул службу — снова «с мундиром» — и вернулся к мирной жизни в своем имении.

* * *

Среди мемориальных сооружений, посвященных событиям тех лет, своеобразным памятником является Военная галерея Зимнего дворца. В настоящее время она входит в экспозицию Государственного Эрмитажа. Здесь находятся 322 портрета военачальников русской армии — участников кампаний 1812-1814 г.г., в том числе портрет Д.Д. Шепелева.

Имя генерал-лейтенанта Д.Д. Шепелева было также занесено на мемориальную доску в Галерее воинской славы в храме Христа Спасителя в Москве.

* * *

Д.Д. Шепелев, как и любой дворянин, воспитывался в представлениях о благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни страны. Подобные умонастроения имели давние традиции.

Русский офицер никогда не знал иного суверена и источника чести, кроме монарха, и воинская присяга в огромной мере ассоциировалась с его личностью. Именно

отсюда проистекают чисто монархическая система взглядов нашего героя, его убежденность в непогрешимости царской власти. В то же время Шепелев достаточно благосклонно и добродушно относился к своим подчиненным, прилагая большие усилия к поддержанию здоровой атмосферы во вверенных ему подразделениях.

Помимо «царя» в сердце дворянина был и «Отечество», о котором, прежде всего, обязан был думать офицер и интересы которого в военное время не допускали иного решения, кроме такого. Которое позволило бы продолжать войну с внешним врагом.

Дмитрий Дмитриевич, как и многие другие дворяне, ясно представлял себе те обязанности и ту ответственность, которые возложила на него военная служба. Доказательством этого являются многие годы жизни, отданные службе в армии. И это были отнюдь не мирные годы, ведь именно на конец XVIII – начало XIX в. пришлось наибольшее количество военных столкновений. Чего стоила лишь Отечественная война 1812 г., поставившая под угрозу суверенитет России.

Военная служба была основным занятием всей жизни Шепелева, «призванием от Бога», все остальное было лишь мимолетным увлечением. Даже занимаясь, причем довольно успешно, предпринимательской деятельностью, он мечтал вернуться на военную службу, которую считал более интересной и почетной.

25 июня 1826 г. Шепелев был вновь зачислен в кавалерию. Служба продолжалась до 20 января 1830 г., после чего он в очередной раз с большими почестями был отправлен в отставку.

* * *

В 1811 г. Дарья Ивановна Баташева и Дмитрий Дмитриевич Шепелев обвенчались. Пышнее свадьбы окрестные губернии не знали. В наследство Дарье Ивановне и ее супругу перешли заводы и усадьба И.Р. Баташева. Она со-

Господский дом в Выксе

стояла из огромного дома в 40 комнат, парка со зверинцем и оранжереями, театра и двух церквей.

После смерти Ивана Родионовича Баташева Шепелевым отошел громадный усадебный дом в Москве. Он находился в пределах Земляного города, на поднимавшейся от Яузы Швивой горке.

В 1818 г., в возрасте 25 лет умерла Дарья Ивановна. 28 января 1821 г. умер И.Р. Баташев. По его завещанию заводы и имение отходили наследникам под опекунским управлением Д.Д. Шепелева. Сам опекун получал седьмую долю имения. Однако фактически он становился полно-властным распорядителем наследства.

В 1824 г. вблизи Малой церкви в ограде у алтаря был открыт памятник И.Р. Баташеву. На мраморном пьедестале надпись: «Отцу-благодетелю от его детей подданных».

Со дня смерти И.Р. Баташева начинается четвертьвековой период управления хозяйством Д.Д. Шепелева. С самого начала он рьяно взялся за дисциплину на заводах, что вместе с более высокой заработной платой не замедлило сказаться на качестве и количестве изготавливаемой продукции. В общей сложности на заводах, перешедших Дмитрию Дмитриевичу, производили следующую продукцию: чугунные изделия,

Иван Родионович Баташев

железо полосное, кровельное листовое; сталь, а также ломы, кочерги, лопаты, клинья, зубила, пилы, клещи, вилы, наковальни, болты, топоры, колеса, подковы, шестерни, ножницы, гвозди, проволоку и т.п.

Помимо всего этого отливали артиллерийские снаряды, ядра, бомбы и даже пушки. Так, в 1827 г. на Выксунском заводе было изготовлено оборудование для черноморского адмиралтейства на два линейных корабля и два фрегата. Чуть позже предприятия начали осваивать машинострое-

Христо-Рождественская церковь в Выксе

ние (производство паровых двигателей, оборудования для заводов и пароходов).

В то время, когда создавались Триумфальные ворота, на Сноведском заводе Шепелева в период с 1820 г. по 1826 г. для них были изготовлены элементы украшения.

В 1834 г., чтобы оплатить долги, Д.Д. Шепелев отказался от своей части в пользу детей. Имение перешло в управление братьев Ивана и Николая Шепелевых и сестер: Елизаветы, графини Кутайсовой, и Анны, княгини Голицыной.

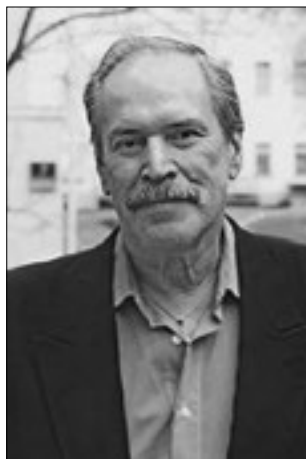
9 мая 1841 г. Дмитрия Дмитриевича не стало. Его похоронили в фамильном баташевском склепе Христорождественской (Большой) церкви в Выксе, рядом с Иваном Родионовичем.

АРСЕНТЬЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, заведующий кафедрой Экономической истории и информационных технологий, руководитель Центра по экономической истории Центральной России и Среднего Поволжья, заместитель председателя Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. Заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

В сферу научных интересов входит социально-экономическая история России конца XVIII – XIX вв. Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 12 монографий. Один из инициаторов проекта «Край Выксунский».

Алексей Николаевич
БАТАШЕВ

«БАТАШ»¹
(Отрывок из романа)

...Считается, что проект дома и усадьбы разрабатывался двумя архитекторами – Родионом Казаковым и французом де-Вальи². Любопытно, что дореволюционные справочники указывают на иноземца³, а советские – на соотечественника⁴. Ряд видных специалистов нашли доказательства тому, что баташевская усадьба – дин из последних проектов, лебединая песня великого Василия Баженова⁵. В конце концов, выяснилось, что практически постройкой всего ансамбля руководил крепостной М.П. Кисельников⁶.

Усадьба, расположенная между Николо-Ямской и Таганной улицами, обладающая сложным рельефом на пло-

¹ Печатается по изданию: Алексей Баташев. Баташ (Большой евразийский роман, или Опыт художественно-исторического исследования рода за пятьдесят пять веков). — М., 2001.

² В Москве де-Вальи прославился роскошными зданиями в Кусковском имении графа Петра Борисовича Шереметева – дворцом, театром и эрмитажем.

³ По Москве. Издание Собашниковых. М., 1917. С. 102.

⁴ П.В. Сытин. Из истории московских улиц. М., 1958.

⁵ Неизвестные и предполагаемые постройки В.И. Баженова. АН СССР, М., 1951. С. 95

⁶ Проф. С.В. Безносков. Крепостные архитекторы. М., 1938.

Фасад московского дома близ Яузского моста

щади около трех гектар, была необычайно живописна. Спуски, обрывы, чудесные виды на реки Москву и Яузу, на Кремль. Дворец Баташева оказался главным, если не единственным ориентиром Таганского холма.

Дворец и Кремль, казалось, противостояли друг другу...

И вот поразительное совпадение. Непостижимая игра исторической случайности: гора Скопус около Иерусалима, о которой писал Клермон-Ганно и с которой, как мы помним, открывался и до сих пор открывается чудесный вид на вечный город, во времена Ивана Родионова именовалась ...Баташ-горой, и мало того — холм этот так же по правую руку омывала речка под названием Яуз!⁷

Знал ли об этом Иван Родионович?

Во всяком случае, дворцом своим он имел все основания гордиться. Это одна из ярчайших рукотворных достопримечательностей Москвы. Удивительно мастерство, с каким зодчие разместили на причудливом участке ансамбль усадьбы. Неширокая Таганная улица не способствует его полному обзору, но её плавный поворот в этом месте зри-

⁷ Собашниковский путеводитель по Москве сообщает легенду, что Москву основал внук Ноя, шестой сын Иафета по имени Мосох, жену которого звали Ква. Отсюда, мол, и название Мос-Ква. А у них были дети: сын по имени Я и дочка Вуза. Это определило назначение известной речки.

тельно разворачивает архитектурную композицию перед наблюдателем.

В плане главный дом, крупный сам по себе и характерный крупными же деталями, похож на букву Т, верхняя сторона которой является величавым в три этажа фасадом, глядящим на теперешнюю Яузскую улицу. Центр фасада украшает шестиколонный портик коринфского ордера. Он занимает высоту второго и третьего этажа, и эта его приподнятость сообщает неординарную торжественность лицу дома. Второй этаж считался парадным, из его огромной центральной залы был выход на балконы у основания колонн, откуда был приятный вид на нетесное пространство между зданием и улицей, которое заканчивалось решеткой в два человеческих роста. Чугунная решетка поделена на отрезки белокаменными столбами, увенчанными вазами также из чугуна, а посередине её устроены парадные ворота с пилонами, над которыми добродушно разлеглись черные фигуры львов.

Удивительно красиво чередование белых столбов и черной решетки. Все чугунные детали отлиты или выкованы на Выксе. С обоих концов решетка упирается в угловые флигели, которые образуют как бы переход от державных форм основного здания к более интимным элементам композиции усадьбы, между которыми царит дивная гармония.

Ножка буквы Т, примыкающая к тыльной стороне главного корпуса дворца, делила заднюю, рельефную часть усадьбы на два несообщающихся между собой участка. Весь верхний этаж «ножки» являлся двухсветной галереей, в которой был устроен романтический зимний сад, из которого по обе стороны распахивались панорамы удивительной красоты. С восточной стороны были видны утопающие в зелени особняки и церкви Болвановки и Гончарной слободы, над которыми парил купол Мартина Исповедника. Из западных окон с рассвета вставала картина Белого города, в полдень солнце пробивало воды бегущей под обрывом Яузы, а в часы вечернего чая сияла

лента реки Москвы, и горело золото кремлевских куполов на горизонте.

Под галереей к подножию холма сбегал аккуратный парк с аллеями и фонтанами, в который обитатели дворца попадали через триумфальных размеров арку в левой части фасада. На парк любовались и из распложенной под галереей лоджии, обладавшей такими циклопическими размерами, какие вряд ли где можно еще встретить.

Справа от фасада был проезд к хозяйственным постройкам усадьбы и спуск к задним, но тоже весьма представительным воротам на Николо-Ямскую. Въезжающих с этой улицы встречал похожий на замок храм Симеона Столпника с его высокой, издалека видной ротондой. Семенов день, первое сентября, с которого люди старой веры начинали год, чтился Баташевыми, и прежнюю церковь этого святого, заложенную еще Борисом Годуновым в честь своего вступления на царство, Иван Родионович заботливо возродил на своем дворе. А может быть, Ивану Родионовичу было важно стать прихожанином храма именно этого святого, связать свое имя с ним? Вдруг жило еще в его время семейное предание, что тайным предком их был ярославский или ростовский князь, которого, как мы знаем, звали Семен Баташ?! Загадка.

Но не будем отвлекаться от экскурсии по усадьбе. М.П. Кисельников создал изобилие мелких скульптурных украшений, среди которых особенно выделялись два сюжетных горельефа возле лоджии. Изысканные декоративные детали отделки придавали зданию одновременно и легкость и основательность. Я долго не мог узнать имя этого самородка, пока знаток старины Владимир Резвин не отыскал в своем архитектурном музее, что гения на дворе кликали Минькой. Единственное минькино творение поражает нас до сих пор, хотя говорят, что от его первоначального облика мало что осталось⁸. Кроме, пожалуй, язвительных стишков Петра Вяземского:

⁸ М.В. Дьяконов. К биографическому словарю московских зодчих XVIII–XIX вв. – В кн. Русский город. Вып. 4. М., 1981.

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

В начале XX века дворец смотрелся совсем по-иному:

«Боковые флигеля, решетка, ворота, дополняя и оттеняя главное здание, отодвинутое немного вглубь двора, прекрасны сами по себе. Каждая деталь – стройное архитектурное целое. <...> А главное здание – chef d’oeuvre его создателя. Пышный фронтон с высоко поднятыми колоннами так гармонирует с величественными размерами. <...> Все здание, несмотря на всю грандиозность, поражает изумительной соразмерностью частей»⁹.

Вот только начало строительства совпало с очередным горем: умерла Феодосия Петровна¹⁰. Овдовевший Иван Иванович в чине премьер-майора вышел в отставку. Постройка усадьбы и дворца закончилась в 1799 году (кстати, год смерти Баженова), внутренние работы завершились к 1802 году.

Лишь десять предвоенных лет проходят безмятежно под сводами этого дворца и под сенью его аллей, оглашаемых звонким смехом юной расцветающей Дарьюшки, в которой отец и дед души не чают. Каждое лето счастливое семейство со всеми домашними проводило на Выксе, и осенью рокового 1812 года в таганской усадьбе оставалось лишь небольшое количество дворовых людей во главе с избранником Ивана Родионовича, управляющим Максимом Соковым. Этот незаурядный человек первым встретил Жокэна Мюрата, короля Неаполя и Обеих Сицилий, зятя Наполеона и главнокомандующего неприятельской армией, против которой, кстати, стреляли Баташевские пушки.

Толстой в «Войне и мире» описал знакомство Мюрата с московскими жителями 2 сентября в 4-м часу пополудни на Арбате. Честно говоря, его сиятельство представил наших соотечественников на этой встрече весьма бестолковыми. А в письме Сокова к Ивану Родионовичу слышен

⁹ По Москве. С. 300.

¹⁰ Московский некрополь. Т. I. С. 85.

Москва в сентябре 1812 года. Худ. Д. Кардовский

голос участника такого же события, которое состоялось час спустя в другом месте. Письмо поражает силою свежих впечатлений. В нем и облик его автора, упрощенный взгляд на которого, как на раба, тупого холопа, никак не верен. Человек этот, безусловно, достаточно образован, сметлив, благороден и совестлив, как все лучшие люди нашего отечества. Его письмо — еще и искренний документ быта русских дворовых людей:

«Второго Сентября, в 5-м часу вечера вступили в Москву Французские войска. Король Неаполитанский, ведя авангард на Коломенскую дорогу, остановился у вашего дома, будучи верхом; уверял всех нас, чтоб мы ни малейших обид не страшились. Назначил своею квартирою ваш дом, поставил большой караул и, проводя за заставу многочисленную кавалерию, вернулся в 7-м часу вечера с 30-ю генералами и множеством чиновников»¹¹.

Как выглядел Мюрат в «зеркале русской революции», можно прочесть в романе. «Странный, изукрашенный пе-

¹¹ Письмо прикащика Максима Сокова к И.Р. Баташеву. — «Русский архив», 1871 . С. 0218.

Жокэн Мюрат

рьями и золотом длинноволосый начальник». А вот портрет, написанный Соковым:

«Росту он невысокого, довольно стройный, волосы светлорусые локонами по плечам, четверти на две разложенные, в зеленой коротенькой матеревой тунике; брусничные панталоны, синие чулки и сапожки со шпорами, шляпа трехугольная с плюмажем и тоненькое, белое, в три четверти вышиною перо. Тих и глаза ласковые, но говорят,

что генерал он неустрашимый и всегда первый в огне».

Для гостей приготовили сытный ужин и накрыли в большой зале во втором, парадном этаже. Только с хлебом вышла неувязка: его было не достать, поскольку хлебни и калашни закрылись из-за входа в город неприятеля. Для неаполитанского короля, ужинавшего отдельно в красной гостиной, отняли сайку у дворовых детей, и он выразился в том смысле, что, мол, в Париже хлеб много хуже.

Отужинав, Мюрат попросил Максима взять свечу и устроить ему променад по дворцу, в котором он, видимо, почувствовал что-то родное, французское. Походил, поахал, попожимал плечами и, пришед в желтую гостиную, спросил:

— Где ж твой господин и кто он такой?

Максим ответил, что заводчик и сейчас в заводах на Выксе. Хозяин всех Сицилий просил передать месье Баташеву, что он всегда может вернуться в свой дом и что ему гарантировано монаршее покровительство, а домашним опасаться нечего.

Его величеству постелили в господской спальне. Тут и началось самое страшное. «Всякий генерал требовал пышной постели, всякий — особый покой. Свита бесчис-

Герб дворян Шепелевых.

Геральдический щит разделен горизонтально на две части. Верхняя часть, в свою очередь, также делится надвое. В правой верхней части на серебряном поле, олицетворяющем правоту и честность, стоит на задних лапах лев «натурального цвета», обращенный в левую сторону, — символ силы, мужества и великодушия. Левая верхняя часть имеет два поля: верхнее черное (скромность, образованность и смирение), с помещенной на нем золотой шестиугольной звездой (премудрость), и нижнее голубого цвета (величие и красота). В нижней части на красном поле (мужество и сила) изображен воин, скачущий на белом коне в левую сторону с поднятым вверх мечом. Щит увенчан турнирным шлемом с дворянской короной с тремя листьями и двумя жемчужинами. Над короной возвышается рука с мечом, свидетельствующая о принадлежности владельцев к военному сословию. Держат щит два льва с загнутыми хвостами. Намет (цветные украшения, образующие фон герба) с правой стороны щита серебряный с голубым, а с левой – красный с серебряным.

Неизв. художник. Портрет Д. Д. Шепелева. XIX в.
(Музей истории ОАО «ВМЗ»).

Дж. Доу. Д. Д. Шепелев. Нач. XIX в. (Эрмитаж).

Минусинская Поляна Идгакан

Ваше подписание

Генерал-майор Бюро мой брат

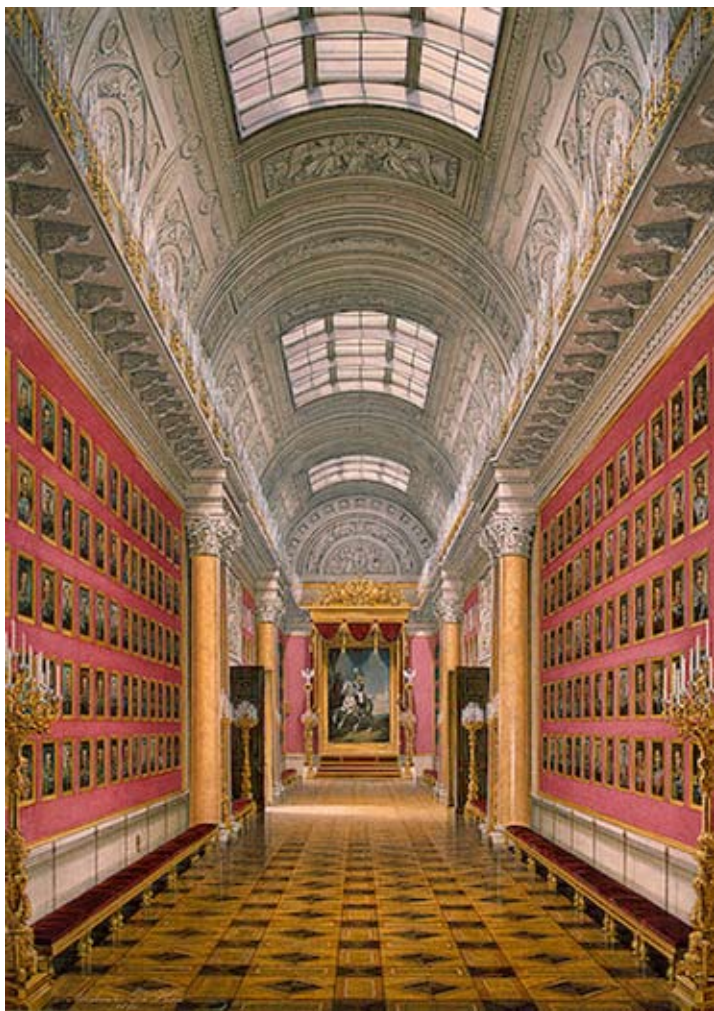
Писемъ & Високому въ Иркутскъ

направлено. Проще же. Александръ

Меня Собраниемъ Васъ съездомъ. Соловьевъ

С. С. Вас. Вас. Васъ Ивановъ. у Васъ

Друзья, Франк вы все из Ростовской
школе. Сейчас вы уже преданы и будущим
и походу Семьям. Вспомните время
вашу службу. Еду Свещенный
найти корень вы ищите
Торговля Друзьям всем всем.
1811 году.
17 июня.
Семья

Доброковский М. В. Завод «Серп и молот».
1920-1930-е. б., смеш. техн.

А. Ю. Аверьянов. Тарутино 1812 год

Подпись под иллюстрацией «Пожар Москвы». 1812 г.

ленная, — жаловался Максим барину Ивану Родионовичу. — Покоев много, но постелей набрать было негде, а на холопской постеле спать никто не хотел. <...>

Всю ночь нас, как кошек за хвост, то туда, то сюда таскали. Свечи горели всю ночь в люстрах и в лампах. Оставить было опасно, а гасить не посмели, потому бродили мы всю ночь как тени...»

В 9-м часу вечера того же страшного понедельника загорелись скобяные и москательные ряды на гостином дворе за Яузским мостом, да и на Таганском холме следующим утром загорелись деревянные дома по Яузе, на грани пожара были ближние к усадьбе Сикеринская фабрика, архидиаконские богадельни и поповские дома. «Но наши люди, — докладывал верный Максим, — защищая конюшни свои и магазины, не допустили загореться ни богадельням, ни поповским домам, и пожар 3-го числа тем и кончился».

Однако вернувшимся с пожара людям не было покоя. Новый день предстояло им провести в величайших суетах. «Как проснулись чиновники, то требовал всякий того, чего хотел: иной чаю, иной кофе, иной белого вина, Шам-

Пожар Москвы. Худ. И. Жибель (Раскрашенная гравюра)

панского, Бургонского, водки, рейнвейна и белого хлеба, каждый с величайшей угрозой. Всех нас измучили и с ног сбили, так что пришлось бежать и скрыться хотя в воду. <...> Там кричат бабы, что солдаты отняли хлеб, в других покоях солдаты разбивают сундуки и грабят все что ни попало».

Прожив два дня в этом бедламе, Мюрат, хорошо отобедав, поскакал верхом к армии, а оттуда отправился ночевать на Горохово поле, во дворец Разумовского, которому, наверное, тоже обещал августейшее покровительство.

В среду поднялся жесточайший, порывистый западный ветер. «Загорелись дома за Москвой-рекой от Каменного моста, и пожар столь сделался ужасен, что никак описать его невозможно. Все Замоскворечье занялось без изъятия, а потом и у нас — Никитского попа и причетников дома, Безбородкин, Кирпичов и все тут на горе деревянные и каменные дома были объаты, Сахарова и Сойманова дома тож, потом попа Архидиаконовского с причетниками, наша конюшня и магазины».

«Искры как град сыпались на главный корпус и прочие части, — продолжает живописать Соков. — Я, видя, что спасения нет ниоткуда, собрав все оставшиеся бумаги, отнес под контору в чайнии, что пожар там не проникнет, их и прочее нужное туда убрав, где многих семейств были сундуки и кро-

хи, прибежал к трепещущим моим сотоварищам дворовым, кои, собравшись в саду, как уstraшенные агнцы, в кучке ожидали с сухарями на плечах моего прибытия. Не зная, где мы можем не сгореть, решили и пошли все...»

Максим Соков описывает, как французы пытались грабить спасавшихся от огня людей на переходах через Язу. У него, крепостного, было в кармане 1200 рублей ассигнациями, и когда его схватили, он вынул часть и, передавая их мусью, якобы неловко отпустил их на ветер. Лопухинострaнцы кинулись ловить летящие бумажки, а Максим моргнул своим и — во весь дух на ту сторону, на Хованскую гору. Тут мародерствовали уже наши нижние чины, но с ними-то ребята поладили на родном языке.

Над Серебряниками не было огня, и кучка слуг заставила себя быть свидетелями несчастья своего и их барина.

«Смотрели мы с ужасом, как загорелся Шурлина дом, наш корпус против старого дома, флигель, где жил Иван Федорович, и старый дом весь занялся, потом и дом Осипа Яковлевича Москвина. К довершению нашего бедствия увидели мы и то, что и большого нашего дома главный корпус загорелся, церкви Симеоновская и Архидиаконовская тож горели и все дома занялись. И на той стороне Язуы, где мы укрывались, тож все занялося, и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало без изъятия. Воздух наполнился несносным смрадом, отчего глаза наши налились кровью, и мы едва друг друга узнавали, хоть ночь была светла от пламени как мрачный день. <...>

Только 5-го числа утром в 5 часов прибрели мы все к своему дому, расположились в саду. <...> На большой двор проникнуть было нельзя, ибо нагорелые стены дышали несносным жаром. По улице через большие ворота достиг я большого двора. Тут увидел, что верхний и парадный этаж главного корпуса превращены в груды камней, нижний же этаж весь уцелел, но войти в покои было невозможно, ибо каменные своды, наваленные на них кирпич и щебень составляли смертельный жар. <...> Сгорела под конторой кладовая с товарами, людским багажом и бумагами. <...> Покои же над нею

Наполеон в горящей Москве. Худ. А. Адам

целы. Музыкантского флигеля нижний этаж сгорел, а верхний цел. Погреба, конюшни, платные, хлебные и людская кухня сгорели. Под оранжерею осталась цела какими-то судьбами одна только господская кухня с приспешною. <...> Ворота кроме больших железных все сгорели, заборы все сгорели, а потому окружены мы стали полем...»

Тот день начался с того, что у парадных ворот Максим Соков, опора отсталого феодализма, повстречался с четырьмя славящимися галантностью потомками мушкетеров, уже познавшими либертэ-эгалитэ, которые сняли с него сапоги, камзол и, пардон, штаны вместе с остатками ассигнаций.

Соков в подробностях описывает, как французы всю неделю их по нескольку раз грабили, раздевали донага, сбивали замки в чуланах, а дворовые собирали свои остатки, вновь прятали по подвалам хозяйское добро, вешали новые замки, пока не приходили другие грабители и все не начиналось сызнова. При этом управляющий нигде не упоминает о тайных подземных укрытиях и ходах, которые теперь ищут под баташевским дворцом. Не видя ино-

го спасения, Соков ездил к Мюрату, взял у него какую-то охранную грамоту, но она действовала лишь на офицеров, да и то не на всех. Это было первое столкновение русских людей с европейской демократией.

Никто не запомнил, как уходили европейцы — то ли стряхнув азиатскую пыль с розоватых брабантских манжет, то ли просто покачивая перьями на шляпах, но ремонт после них обошелся Ивану Родионовичу в триста тысяч рублей выксунских капиталов.

И все же главное поражение он потерпел не от французской, а от российской армии.

Русская армия была в наивысшей точке своей славы: герои Двенадцатого года купались в беспредельной любви прекрасного пола. Молодой граф Дмитрий Шепелев, служивший в гусарах и порядочно промотавшийся, поселился где-то поблизости Мурوما, и вдруг прослышал о Дарье Ивановне, девушке на выданье, приданое которой, не имевшее равных в России, враз лишило его сна.

Нужен был талант Пушкина или хотя бы покойного Ивана Петровича Белкина для описания истории их знакомства, завершившейся свадебным пиром. Дмитрий Дмитриевич для начала отрекомендовался Ивану Родионовичу да всячески расположил к себе нянюшек и мамушек. Он не жалел для них подарков, а они на все лады расписывали Дарье Ивановне красоту и манеры молодого графа то в гусарском ментике, то в мундире генерала.

Достаточно подготовив почву, Дмитрий Дмитриевич запряг шегольскую коляску, распустил усы и бачки и поскакал через Выксу. Перед самым домом Дарьи Ивановны посвященный в заговор возница сделал так, чтобы экипаж эффектно опрокинулся. Гусар ловко вывалился, сказавшись выбежавшей дворне совершенно разбившимся, был со всеми предосторожностями внесен в гостеприимный дом, уложен в отдельном покое на барское ложе и оставлен окруженным самою горячею заботой. Через малое число дней и Дарья Ивановна, едва сдерживая себя от любопытства, пришла его проведать после завтрака.

На Выксе. Гравюра. Худ. Ю.В. Гальянов

Дарья Ивановна, ежели судить по её скульптурному портрету, любовно отлитому из дедушкиного чугуна, была барышней в высшей степени миловидной. Она не слыла

красавицей, хотя от Пушкина мы знаем, что «женщины, русские женщины были тогда бесподобны». Граф рассылался в изящных комплиментах, легко повел непринужденную беседу, поминутно сетуя, что падение вынуждает его задержаться в доме, где его никто не ждал, хотя его плен в руках юной прелестной хозяйки есть наслаждение, а, может быть, и мудрый промысел судьбы.

Кто ж удивится, что Дарья Ивановна влюбилась в него без памяти? Месяца не прошло, и он сам упал к её ногам, умоляя, что иначе жизни не мыслит, как только будучи её супругом.

Может и не так все было, но громче свадьбы окрестные губернии не знали. Гуляли все. Толки родились разные. Одни говорили о мезальянсе графа и коллежской ассесорши. Другие жалели купчиху-миллионершу, отдавшую все в руки кутилы. Бывший среди гостей молодой тогда ещё Василий Александрович Сухово-Кобылин слышал, как Иван Родионович сказал:

— По смерти моей я оставлю зятю заводы, тысячи крестьян да полтора миллиона денег; при таких средствах, если бы даже и хотел он разориться, то не сумеет¹².

Баташевы не знали способностей Шепелевых. Дмитрий Дмитриевич о хозяйстве не имел он ни малейшего понятия, да и не желал иметь. Зимой он угощал всю Москву в баташевском дворце, который тогдашние тусовщики и халявщики перекрестили в шепелевский. Дарья Ивановна выходила к гостям в ослепительных туалетах и драгоценностях, вызывавших откровенную зависть:

Дольше взоры поражает
Блеск камней дорогих:
Шепелева то блистает
В пышных утварях своих¹³.

Бывшую муромскую барышню было не узнать в молодой графине. На одном из приемов она громко рассказывала, что в побежденном Париже приобрела вошедшие в моду

¹² Е.М. Феоктистов. Воспоминания. — «Атеней». Кн. 3. Л., 1926. С. 100—101.

¹³ М.И. Пыляев. Старая Москва. С. 518.

прозрачные рубашоночки, которые привели её в совершеннейший восторг:

— Вообразите, что это за прелестные сорочки: как наденешь на себя, да осмотришься, ну так-таки все насквозь и виднехонько¹⁴.

Видимо, и в пушкинский век злословие было в порядке вещей, а дармовое гусарское угощение супруга Дарьи Ивановны его только распаляло:

Муж гусар её в мундире
Себе в голову вобрал,
Что красавца, как он, в мире
Еще редко кто видал.
Усы в мерой в пол-аршина
Отрастил всем напоказ.
Пресмешная образина
Шепелев в глазах у нас¹⁵.

Летом такой же разгул продолжался на Выксе. Вспоминают, что однажды в тех краях появился гусарский полк, и Дмитрий Дмитриевич сделал поместье его стоянкою, что имело следствием в продолжение нескольких недель непрерывное и безумное пиршество. Офицеры предавались ежевечерним пьянкам в господском доме, а нижние чины в поле за парком разбили палатки, и с тех пор оно в народе стало зваться гусарским¹⁶. Хотя я и не думаю, что это самый яркий след в фольклоре, но кто знает, может именно здесь родилась известная куртуазная песенка:

Разместили командиров
По хорошеньким квартирам,
А в овины без свечей
Распихали трубачей.
Спит села уж половина,
Девки шмыгают в овины...

и так далее, и так далее вплоть до известного демографического взрыва.

¹⁴ М.И. Пыляев. Старая Москва. С. 520.

¹⁵ Там же. С. 519.

¹⁶ Е.М. Феоктистов. Воспоминания.

Выкса. Господский дом. 30 июля 2008 г.

И тем не менее в 1814 году Дмитрий Дмитриевич в чине генерал-лейтенанта с Владимиром в петлице вышел в отставку, что мало изменило образ его жизни...

НАХОДКИ КРАЕВЕДОВ

Кто хоть раз сталкивался с изучением исторических событий или интересовался историей своего края, знают, основным источником информации являются документы, воспоминания очевидцев. В «копилке» каждого краеведа, найдутся документы или записи воспоминаний. Известно, что при изучении фактов, событий, или при разработке краеведческих тем, не лишним будет изучить личные архивы: конкретного человека или отдельно взятой семьи. В каждой семье найдется такой архив, который может включать документы, вырезки из газет и публикации, фотографии, поздравительные открытки и переписку. Наиболее ценными источниками информации являются письма. Именно в них содержится информация, описание событий, которые могут оказать помощь.

Интересными находками выксунских краеведов являются «Письмо Д.Д. Шепелева из Гамбурга» и переписка Г.К. Никулиной с научным сотрудником Государственного музея Эрмитаж. Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Дмитрия Дмитриевича Шепелева нам в основном известна по работам Н.М. Арсентьева. Прочитав текст письма Д.Д. Шепелева, адресованного Ивану Родионовичу Баташеву, возможно вы откроете для себя нашего героя несколько с другой стороны. В письме описаны уже известные нам факты его пребывания в Гамбурге в 1814 году. Именно из этого письма вы узнаете о присвоении ему чина генерал-лейтенанта, о том какие средства затрачены на экипировку и на содержание обоза. Обратите внимание на тот факт, что выксунскую проволоку и косы в Гамбурге оценили. Но самое главное, с каким трепетом Д.Д. Шепелев относится к своим близким и особенно почитает дедушку Ивана Родионовича. Впрочем, прочитав текст письма, вы сами обо всем узнаете.

В материале Г.К. Никулиной рассказывается об истории трех портретов с изображением Д.Д. Шепелева. Репродукции портретов представлены на цветной вкладке альманаха.

ПИСЬМО ДМИТРИЯ ДМИТРИЕВИЧА
ШЕПЕЛЕВА ИЗ ГАМБУРГА (1814 ГОД)

Милостивый Государь дедушка Иван Родионович

Не имея долгое время от вас писем, я выходил из терпения. Наконец приезд Господина Тихонова меня совершенно воскресил. Благодарю Бога, что вы, Дарья Ивановна и детки, и милая маминка здоровы. Единственное мое желание, чтоб новорожденный сын мой Иван жил бы к утешению вашему, чтоб Лизонька и Аннушка были к забаве вашей: в вас дедушка они имеют отца и благодетеля. Они будут Богу молиться за ваше здоровье. Они, конечно, будут признательны к вам за милости, коими вы осыпали отца их.

Армия наша в Гамбурге и окрестностях ожидает всякий день повеления идти к границам России. Из Парижа все наши и союзные армии выступили. Император Александр в Англии, где приготовили ему пышную встречу. Народ английский нетерпеливо ожидает его прибытия. Из Англии он отправится на берега Голландии, откуда поедет в Вену; и после Берлин и Варшаву. Сказывают, что Польша останется за нами. Но неизвестно, будет ли королевство. Франция устраивает правление свое, эмигранты занимают места при дворе. Главный у короля есть Талеран.

Настоящая коммерция еще не открыта. Надеются, что приезд Государя в Англию окончит сию злагодину в пользу света.

Проволоку нашу первой и второй пробы здесь опробовали, хвалят её, да и лутше я не находил. Косы также. Цены здешние гораздо превосходнее наших. Они откроются настоящее в нынешнем месяце. Я вам дать знать подробно. В протчем, товары здесь еще довольно дороги, а особенно сукно.

Продовольствие хотя безостановочно, но дорого казне и нам стоит. Желательно скорей возвратиться. И с тем, чтоб навсегда мне при вас остаться и никуда не отъезжать несколько лет, чтоб вознаградить убытки, которые я вам причинил по отъезде моём из России тому уже девять меся-

цев. И с пригонами экипировкой себе, верховых лошадей и мундирами, содержанием людей, и стола своего. Имею на руках корпус кавалерии одних адъютантской должности при мне 6 человек. Следовательно, стол всегда на 10 кувертов, без которого обойтись невозможно. Месяц мне стоит 120 червонных, прогоны мне стоят излишком 350 червонцев. Одним словом уж я проживаю двадцать первую тысячу -. Мною от вас получено 15 000 -. Да вы заплатили за меня 25 000, как я занял в Франфурте для уплаты претензии Гродненского гусарского полка, которому мы по расчету остались должны 24 000. Ему я выдал 14 000 -. Остались должны 10 000 – всех денег. Я получил для себя 25 000 с теми, которые я имел из Москвы. Мне кажется дедушка, что в такое дорогое время и такую тяжелую компанию я старался гораздо меньше прожить, нежели мой товарищ в звании ген-лейтенантском. Будьте уверены дедушка, что как бы ни был мой прожиток мал, но он все для меня чувствителен, тем более что нынешнее время оборот в успехе вам тяжел. И потому я прошу вас быть уверен, что и чувствую во всей силе надобности вашей. Конечно, во всем себе откажу, только сохранить ваше спокойствие, которое для меня так дорого, как жизнь моих детей, а это превосходит моей жизни.

Я получил ваше письмо, из которого я усмотрел, что заем мой в Франфурте сделал вам совершенное огорчение. Таковой случай для здоровья вашего вреден, и потому прошу вас старательно успокоить себя нищетой моего прожитка. Я имею сорок лет и вместе конечно умеренность в моих прихотях. Не имея ни к чему пристрастия кроме семейства моего, достаточно заниматься им, а роскошей удалить. Прошу вас дедушка, принять меня достойным вам сыном, сыном вам преданным и благодарным, и потому готовым выполнить волю вашу свято есть священный долг наипочтеннейшего вам милостивый государь дедушка сына вашего Дмитрия Шепелева.

1814 год 17 июня Гамбург.

Милая моя маминка, вы, любя нас, сокрушаетесь про-

житком моим. И вас честно уверяю, что я не имею пристрастия к картам и другим подобным слабостям. И в мои лета более озабочен положением дедушки. Я знаю, что стоит ему 812 и 813 год. Зато сколько я, входя семейство его, доставил ему огорчений и потому и вам моя маминка. Я чувствую, конечно, это сильнее, нежели может быть, о том так легко думают. И конечно в это время, оставшись при дедушке, может быть, успел вознаградить все его для меня убытки, война тому причина. Мне стыдно было сидеть дома, когда Отечеству нужно был служить.

Надеюсь, что я тем не имел неудовольствий, если то должно принести честь нашему Отечеству. Прожиток мой вы усмотрели в письме к дедушке. Я уверен, что вы разочли мои расходы. Надеюсь, что я умерен более в них, нежели то вы полагали. Если вы, голубушка маминка, найдете, что это превосходит наши суточные, тогда я должен буду службу оставить. От вас то будет зависеть, тем более что правилом себе поставил, почитая вас, и повиноваться воле дедушки. Совсем тем более к вам привезу и столового, и рубашечки, и постельного. Если они вам не полюбятся, я продам вдвое дороже. Купил бы штофы для двух комнат, но страшусь вас прогневить. Здоровье ваше мне необходимо нужно и для деточек моих. Полюбите Ванюшку, как вы любите Дарьюшку, и я покоен.

Целую ручки твои, есть и буду предан сему вам Д. Шепелев.

Берегите дедушку, чтоб он был весел. Всем нашим мое искреннее почтение.

К. Ялымов и Тихонов вам кланяются. Они рекомендованы к награждению.

О ПОРТРЕТЕ Д.Д. ШЕПЕЛЕВА

В фондах Выксунского музея сохранился подлинный прижизненный портрет Дмитрия Дмитриевича Шепелева работы неизвестного художника. История этой чудом сохранившейся в Выксе картины долгие годы интересовала сотрудников музея. В 1994 году был сделан запрос в Государственный музей Эрмитаж с просьбой помочь определить датировку написания портрета и его подлинность. Научный сотрудник отдела истории русской культуры Сергей Летин, побывавший в Выксе, поработал с этой темой, провел анализ всех имеющихся сведений о портретах Шепелева и прислал в адрес музея письмо такого содержания: «Выполняю свое обещание и посылаю всю имеющуюся информацию о портретах Д.Д. Шепелева, иконографически схожих с имеющимся в вашем музее. Первый из них был опубликован в книге «Русские портреты собрания П.И. Щукина в Москве» (Выпуск 2-й, М., 1901) под номером 43 как портрет князя В.Г. Мадатова, героя войны 1812 года, что является очевидной ошибкой. Настоящее его местонахождение неизвестно. Несомненно, что «щукинский» портрет и ваш портрет принадлежит кисти одного и того же мастера. Один из них предназначался для Выксунской усадьбы, а другой — для Московского дома Баташевых, откуда, в конце концов, и попал к Щукину. Во время своих «путешествий» портрет явно побывал в нескольких руках».

Еще один портрет Д.Д. Шепелева есть в собрании военно-исторического музея-заповедника в с. Бородино и воспроизведен в каталоге «А.В. Суворов и его современники. Выставка портретов русских военных деятелей из фондов музеев СССР». Даже при сравнении репродукций портретов становится ясно, что портрет из Бородинского музея является копией с портрета щукинского собрания или вашего музея. Это видно потому, как написано лицо, рукоять сабли, ордена. Можно сравнить и другие детали, но это лишний раз подтвердит, что ваш и щукинский портреты первичны, а портрет из Бородина — вторичен, т.е. является копией с одного из них».

Г.К. Никулина

Фёдор Васильевич
БУДАНОВ

КАК В ВЫКСЕ НА СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА КОВАЛОСЬ ОРУЖИЕ

Тяжелыми грозовыми тучами войны было покрыто небо над Россией во второй половине XVIII века, когда братья Баташевы занялись освоением железо-рудных месторождений в бассейне Средней Оки и начали строить там железоделательные и металлургические заводы.

Войны следовали одна за другой через очень короткие промежутки времени. Не успели потускнеть в памяти людей воспоминания о Северной войне 1757-1762 годов, как началась подготовка к первой войне с Турцией за возвращение стране искони Русского Черного моря. Первая война с Турцией длилась с 1769 по 1774 год, но она не дала удовлетворения ни одной из воюющих сторон: Турция не могла примириться с потерей Крыма, а Россию не удовлетворяли половинчатые результаты, достигнутые в этой войне. Поэтому и Россия, и Турция, едва успев подписать мирный трактат, принялись за подготовку к новой войне, которая вспыхнула в 1787 году и длилась по 1791 год. На этот же период выпали две войны за передел Польши и, наконец, венчающие ореолом воинской славы русского оружия Итальянский и швейцарский походы

1799 года под водительством великого русского полководца А.В. Суворова.

Естественно, что все эти войны потребовали для своего ведения громадного по тому времени количества боевой техники, боеприпасов, оружия и различных видов воинского снаряжения.

Возьмем для примера потребности военно-морского флота. Не считая мелких судов, за время с 1762 года по 1796 год только для Балтийского флота было построено в Петербурге, Архангельске и Кронштадте 89 кораблей. Большинство из этих кораблей имело от 55 до 64 пушек, 24 корабля имели до 70 пушек, и 8 кораблей было стопушечных. Значит, только для этих кораблей Балтийского флота нужно было изготовить около 6000 орудий различного калибра.

В войнах с Турцией, как известно, большую роль играли боевые действия военно-морского флота. Не случайно Екатерина вторая, готовясь ко второй войне с Турцией, перед самым началом войны писала Потемкину: «Весьма нужно протянуть два года, а то война прервет построение флота».

Для молодого Черноморского флота было построено не меньшее количество кораблей, нежели для Балтийского, и все они потребовали большое количество орудий, боеприпасов и различного военного снаряжения.

Для кораблей флота строились военные порты и гавани, а для охраны этих портов и гаваней возводились крепости, которые тоже нужно было вооружать и снабжать боеприпасами и другим военным имуществом.

Для удовлетворения военных нужд вооруженных сил в оружии и боеприпасах еще при Петре I было построено в стране несколько специальных военных заводов, но они во время войны не могли удовлетворить полностью всех этих потребностей. Поэтому правительство привлекало к выполнению военных заказов и заводы частных владельцев, которые можно было быстро приспособить для выпуска военной продукции.

Получали и исполняли такие заказы Баташевские заводы, торговая марка которых – бегущий лен на чистом поле – перекочевывали в определенные периоды с такой мирной продукции, как листовое железо, косы, различная чугунная посуда, на грозные пушки и другое военное оружие.

В баташевских архивах сохранились документы, которые свидетельствуют о том, что один из военных заказов Выксунским заводам был дан в период подготовки к первой войне с Турцией, т.е. в середине 60-х годов XVIII века. Правительство предложило Баташевым заняться производством пушек, ядер и бомб и другого военного снаряжения для Черноморского флота.

Казалось бы, чего общего между чугунной посудой и пушками, и зачем заводчикам браться за освоение новой для них военной продукции, когда и без этих заказов хорошо налаженное производство мирной продукции дает громадные барыши?

Баташевых, очевидно, соблазнили прибыли, которые сулили им военные заказы. Доходы от продукции в значительной степени зависели от рыночной конъюнктуры, а правительство гарантировало заводчикам, кроме покрытия расходов на производство, выплату «наград» в размере 10-20 процентов от затраченного на выполнение военного заказа капитала. А так как размер затраченного капитала определялся в основном самими заводчиками, то, естественно, процент обещанной «наград» мог возрасти в значительных размерах.

Что же касается освоения производства военной продукции, то она в те времена была не так уж сложна, и предприимчивые заводчики не без основания решились приняться за это новое для них дело.

Они рассуждали примерно таким образом: если мы умеем лить различные добротные чугунные изделия вроде котлов, кастрюль и прочей хозяйственной утвари, так почему же мы не наловчимся лить чугунные пушки и ядра?

Баташевы согласились выполнить заказ правительства, и работа закипела. В результате этих трудов они только в

1770 году доставили в адмиралтейство 154 пушки и большое количество бомб и ядер к ним.

Правда, не все пушки из этой партии оказались доброкачественными. Многие из них разорвались при пробах. Но эти неудачи были неизбежным спутником освоения новой продукции и результатом несовершенства технологии производства тех времен. Такие неудачи в меньших размерах постигли и владельцев других заводов, имевших в производстве орудий большой опыт, нежели Выксунские заводы. Неудачи эти не скомпрометировали заводы в глазах правительства и военных специалистов, а владельцам заводов принесли большие прибыли и почет.

За «усердную работу», выразившуюся в успешном выполнении военного заказа, весь род Баташевых с 1770 года был освобожден от подушного оклада, что послужило новым источником обогащения Баташевых.

В прямой связи с выполнением военных заказов, бесспорно, находится и возведение братьев Баташевых в дворянское достоинство и пожалование их в звание коллежских асессоров, которого они удостоились в тот же период.

Выполняя военные заказы, Баташевы, что называется, «не брали охулки на руку» и с каждым заказом поднимали «себестоимость» продукции, с которой им начислялась обещанная правительством «награда».

Но, должно быть, аппетит братьев разыгрался сверх всякой меры и в конце 1773 года Адмиралтейств-коллегия вынуждена была издать указ, согласно которому Баташевы обязаны были представить «обстоятельную ведомость на поданный счет адмиралтейству, с чего (пушки) против прежнего дорого обошлись».

Об этой неприятности Баташевых своим письмом от 17 декабря 1773 года известил петербургский поверенный в делах Перетрухин, и заводчикам во избежание прекращения военных заказов пришлось сократить свои аппетиты.

Между тем, в связи с русско-турецкой войной 1768-1774 годов объем военных заказов все возрастал, и существо-

вавшие тогда заводы уже не справлялись с выполнением этих заказов.

Тогда Баташевы решили срочно построить еще два завода — Пристанской и Железницкий, предназначив их для высверливания и точки пушек, отлитых для флота на Выксунских заводах.

На их просьбу Берг-коллегия и Адмиралтейств-коллегия ответили не только согласием, но и настоятельным требованием ввести заводы в действие в возможно короткие сроки. В указе Берг-коллегии от 8 апреля 1774 года по этому вопросу говорилось: «Вам, заводчикам Баташевым, дозволено построить свирленую фабрику для точки выливаемых при вашем Выксунском заводе во флот пушек». При этом в указе подчеркивалось, что «как свирленая фабрика при нынешних военных обстоятельствах к высверливанию отливаемых на Выксунском вашем Баташевом заводе во флот пушек и других орудиев весьма нужна к неоставлению тех орудий в поспешном изготовлении... в рассуждении чего вам, Баташевым, и велеть ту фабрику наискоря окончить».

Заводы Железницкий и Пристанской были построены довольно быстро, но... 21 июля 1774 года окончилась первая война с Турцией, нужда в большом количестве орудий и других военных изделий отпала, и поступление военных заказов на Выксунские заводы прекратилось.

Закрытие этого верного источника доходов, очевидно, сильно беспокоило Баташевых, они тормозили своего поверенного в Петербурге запросами о положении дел с военными заказами, но тот в течение всей второй половины 1774 года неизменно отвечал им: «О литье пушек нет никакого слуха».

В связи с прекращением военных заказов заводчикам пришлось Досчатинский и Пристанской заводы переоборудовать и переключить их на изготовление листового железа, листовой и котельной жести.

Но перерыв в военных заказах был не особенно продолжителен. В указе Екатерины II от 14 июня 1779 года вновь

говорится об изготовлении на Выксунских заводах 29 пушек для Архангелогородского (Архангельского) порта и 48 пушек шестифунтового калибра для Таганрогского порта.

Эти заказы были последними, которые братья Баташевы выполнили во время совместного владения заводами. В 1783 году братья разделились, и с этого момента началась самостоятельная история двух групп заводов, одной из которых, собственно Выксунской группой, управлял Иван Родионович и второй – Андрей Родионович Баташев.

В найденных и использованных мною источниках, к сожалению, имеется очень мало данных, говорящих о выполнении военных заказов на Выксунской группе заводов, отошедших по разделу к И.Р. Баташеву. Но, несомненно, такие заказы выполнялись: не могла же Берг-коллегия забыть, что по её предписанию, в частности, были построены в 1774 году Пристанской и Досчатинский заводы, специально предназначенные для производства военных изделий. Не могли в Берг-коллегии и других правительственных органах забыть и того, что в период первой турецкой войны Выксунские заводы выполняли большой заказ военного ведомства. Но такой пробел в материалах имеется, его пока заполнить нечем и вопрос этот требует дальнейшего изучения.

Мне, например, не удалось нигде найти сведений, подтверждающих, что Выксунские заводы выполняли военные заказы в период Семилетней войны. Правда, Н.П. Ключарев в своем романе «Железная роза» пишет, что «Война с Пруссией была на руку Баташевым. Когда она началась, обнаружилось, что русская армия не подготовилась к ней: не хватало припасов, оружия, снаряжения. Состоявшийся при Елизавете Военный совет спешно стал изыскивать возможности пополнения воинских запасов. Баташевы получали один за другим заказы для войска» (стр.77). Но... исторический роман – не историческое научное исследование и, при всем уважении к автору, не может быть безоговорочно принят, как официальное свидетельство, как бы интересны и важны сообщаемые в романе сведения ни были.

Поэтому в статье оставлен без разработки вопрос о выполнении Выксунскими заводами военных заказов в период Северной войны и разговор начат с более позднего периода, а именно — с первой русско-турецкой войны.

О том, как шли дела с выполнением военных заказов на группе заводов А.Р. Баташева, довольно подробно говорится во многих источниках, авторы которых использовали архивные материалы.

Так, например, достоверно известно, что во время второй войны с Турцией, а именно — в 1791 году Андрей Баташев поставил Черноморскому флоту пушек и боеприпасов на 51294 рубля и 23 1/3 копейки. (Вот такая точность в расчетах была в условиях безудержного казнокрадства и мздоимства: до 1/3 копейки!).

Интересно отметить, что деньги эти Баташеву были выплачены лишь спустя три года после выполнения заказа — так обеднела в результате войны царская казна.

В начале 1794 года появились тревожные признаки угрозы новой войны с Турцией. В связи с этим русское правительство усилило работы по укреплению Черноморского побережья и начало строительство большого количества кораблей для Черноморского флота. Опять возникала нужда в пушках, снарядах и другом военном имуществе, опять посыпались военные заказы государственным и частным заводам.

В 1795 году правительство выдало большой военный заказ Баташевским заводам. Автор труда «Металлургическая промышленность Владимирской губернии. Материалы по истории металлургии Приокского района. Владимир. (1929 год)» И.П. Богатов обнаружил и очень широко использовал в своей публикации материалы архива канцелярии Владимирского губернатора. В этом архиве хранится, в частности, переписка Андрея Баташева с Владимирским наместничеством по поводу военного заказа 1795 года.

Из этой переписки виден весь ход событий, начиная с указа правительства А.Р. Баташеву об изготовлении на его заводах орудий и другого военного имущества для Черно-

морского флота и, кончая организацией производства на заводах, и ход выполнения этого большого и ответственного заказа.

Получив в начале 1795 года императорский указ о желательности отливки на его заводах пушек и других металлических изделий для Черноморского флота, Андрей Баташев с готовностью отвечает согласием принять и выполнить этот заказ. Он пишет Владимирскому наместническому управлению «...И на оный его императорского величества указ всепокорнейшее доношу, как и в прежние с турками войны по повелению правительства и покойного его светлости генерал — фельдмаршала и кавалера князя Григория Ал. Потемкина Таврического все безоговорочно исправлю, почему и ныне для моего отечества служить могу».

Но, свято блюдя свои интересы и учитывая все неудачи, которые у него с братом Иваном имели место при выполнении прежних военных заказов, Андрей Родионович ставит правительству ряд условий. Так, он берется изготовлять орудия и боеприпасы с условием, чтобы «даны б были всякой вещи модели в точности», т.е. определены точные тактико-технические задания для каждого изделия.

Он потребовал производства пробы изготовленных орудий непосредственно на заводах и просил, чтобы «с казенной стороны определен был знающий при деле том приематель» или, говоря современным языком, военный представитель.

Не забыл Андрей Родионович и того, что за выполненный в 1791 году заказ, он получил деньги лишь три года спустя. Поэтому он оговорил условие; выплатить ему в начале производства работ половину их ориентировочной стоимости, чтобы «чем то делать будет можно», а окончательный расчет произвести немедленно по выполнении всего заказа.

Правительство приняло все условия Баташева, и заводы приступили к работе, что видно из донесения Баташева наместническому управлению от 15 мая 1795 года. В

этом донесении Андрей Родионович пишет: «...уже и модели вещам, хотя и не всем, присланы. И для показания делания тех вещей в лучшем качестве по свидетельствованию их годности господин флота лейтенант Перхуров при указе из Черноморского адмиралтейского правления в Гусевский оный завод прибыл, и вещи делать начаты из готового железа».

Из этого же письма видно, что заводы изготовляли не только пушки и припасы, нужные флоту, но и различное оборудование для кораблей, «стандерсы железные по чертежу и для строящихся судов станочную пушечную оковку».

Однако по ряду причин выполнение большого военного заказа 1795 года на заводах А.Р. Баташева встречало ряд трудностей и шло не так успешно, как этого хотел заказчик, и как требовала обстановка.

Так, более чем через год после начала работ, 18 июня 1796 года Черноморское адмиралтейств — правление пишет Владимирскому наместническому правлению: «...Сие правление по донесению находящегося при заводах коллежского асессора Баташева флота лейтенанта Перхурова, что назначенные в выплавку... пушки хотя были отлиты, но при сверлении каналов оказалось, что у некоторых раковины, а у прочих — по малости калибра перегнуло железные стержни, от чего оказались к употреблению все негодными. Вместо которых заводчик Баташев обнадеживает сделать другие, но неуповательно чтобы в скором времени сделаны быть могли полику и другие разные вещи по наряду, от сего правления Баташеву данному делаются весьма медлительно; как же все вещи для вновь строящихся судов Черноморского флота необходимо нужны, равно и пушки, ради того правление сим, сообщая Владимирскому наместничеству правлению, просит о скорейшем делании нужных адмиралтейству по данному наряду заводчика Баташева понудить».

Несмотря на все неполадки и медленный темп работ, большой военный заказ, данный Баташеву в 1795 году, по-

степенно выполнялся и в 1800 году, например (уже после смерти Андрея Родионовича), Гусевский завод отлил для Черноморского флота 120 орудий 24-фунтового калибра.

Изложенным и исчерпываются сведения, которые мне удалось найти в различных источниках, о том, «как в Выксе ковалось на славу Отечества оружие» во второй половине XVIII века.

В заключение следует подчеркнуть, что военные заказы, выполняемые заводами Баташевых во второй половине XVIII века, значительно способствовали расширению Выксунских заводов, что видно из примера с постройкой Пристанского и Досчатинского заводов. Однако заводы не превратились в специальные военные заводы наподобие Тульского оружейного завода.

Наряду с пушками, снарядами и ядрами, отливаемыми по военным заказам, в номенклатуре заводов всегда на протяжении всей их деятельности в описываемый период и позднее занимали разнообразные готовые чугунные и железные изделия и ходовые сорта железа, успешно расходившиеся на русском рынке.

Но потенциальные возможности Выксунских заводов по производству оружия и различных военных материалов были довольно велики. Это обстоятельство в конце 20-х годов XIX столетия по достоинству оценил автор книги «Заводы, бывшие И.Р. Баташева, ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям», выпущенной в 1826 году. П.П. Свинын писал в своей книге: «Мне кажется, что в руках казны заводы сии могли бы сделаться совершенным сокровищем, и, приноровлены бы к деланию оружия, при способах своих превзошли бы далеко Тульский завод».

Эта фраза была явно рассчитана на привлечение внимания общественности правительства на Выксунские заводы и выручить их из того бедственного финансового положения, к которому они постепенно приходили при Д.Д. Шепелеве.

Однако этот призыв не был услышан, и Выксунские заводы так и остались железоделательными и металлургиче-

скими заводами, производящими по преимуществу мирную продукцию.

Но в годы гражданской и особенно Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) наши заводы заняли достойное место в труде на оборону, и в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками честно выполняли свой долг перед Родиной.

ОТЕЦ ПЕРЕЕЗЖАЕТ НА НОВЫЕ МЕСТА

К осени 1911 года работы на строительстве моста в виде устройства насыпи, кладки мостовых устоев и прокладки железнодорожной ветки на обоих берегах Волги были закончены. Наступила пора монтажа ферм. В связи с этим начался отлив рабочей силы, занятой на строительстве. Бум, вызванный строительством, затихал. Пришёл конец и благоденствию нашего села. Раз разъехались массы рабочих, то, естественно, сократилось количество заказчиков у отца, а его мелкая торговля ситцем и готовым платьем

Отчий дом. 1930-е гг.

в ларьке на базаре совсем захирела. В семье начали вести долгие разговоры о переезде на новые места.

Адрес этих “новых мест” определенно неожиданно и точно. У сестры матери, Евдокии Новожиловой, умер муж, тоже портной, имевший мастерскую и небольшой магазин готового платья в селе Выкса Нижегородской губернии. На похороны родственника поехал отец и, кажется, Алексей. Вернувшись домой, он, захлёбываясь от восторга, рассказывал о том, какое золотое дно для мастерового человека представляет собой Выкса.

Большое село, подавляющее население которого работало на металлургических заводах, было довольно богатым. Среди работавших на заводах, два из которых были расположены непосредственно в селе, вернее в заводском посёлке, можно было найти достаточную клиентуру. Что же касается природы, то Выкса, по уверениям отца, была настоящий райский уголок: дремучие леса, в которых в изобилии произрастали грибы и разные ягоды, многоводные пруды, кишашие рыбой, которую местные жители будто бы ловили прямо голыми руками.

В конце концов родители решили, что лучшего места для нашей новой жизни не найти и нужно туда переезжать. Отец решил сагитировать на этот шаг нашего дальнего родственника, крестного нашей матери, Василия Ивановича Добродеева, который жил в Казани и добывал себе средства к жизни тоже портновским ремеслом. Добродеев был классным дамским портным, на работу которого было любо-дорого посмотреть, но конкуренция не менее искусных специалистов не давала ему в Казани особого простора.

Василий Иванович быстро согласился на уговоры отца и вскоре они уехали в Выксу окончательно готовить почву для переезда. В результате длительных переговоров наши коммерсанты решили основать товарищество «В. П. Будановъ и В. И. Добродеевъ». Основной капитал этого предприятия составил равный денежный взнос и различное оборудование, оцененное по обоюдному согласию

Ф.В. Буданов.
Выкса. 1960-е гг.

компаньонов в зависимости от его качества и степени износа. Это товарищество было основано буквально “на вере”, так как никакого договора, юридически обосновывавшего обязательства сторон, составлено не было. Взаимоотношения друзей основывались исключительно на обоюдном доверии их друг к другу.

Прятели сняли мастерскую – целый низ не существующего ныне большого двухэтажного дома на главной улице посёлка в непосредственной близости от

Базарной площади. Большую комнату дома, выходящую окнами на главную улицу, занял по жребию Василий Иванович. К ней примыкала другая комната примерно такой же площади, которую компаньоны решили оборудовать под магазин. Эта комната кроме большого входа с улицы имела ещё маленькую дверцу из квартиры Добродеева.

Василий Иванович взял на себя обязанности выполнять заказы на пошив дамского платья и пополнять им запасы общего магазина. Отец оставлял за собой пошив мужского платья. Алексея определили в качестве продавца и кассира в магазин. В дни большого наплыва покупателей к обслуживанию привлекались безвозмездно все члены семьи. Кроме того, все работоспособные члены семьи привлекались к работе в мастерской в зависимости от своих способностей: кто шил простые вещи, кто распарывал старое платье, кто стегал ватную подкладку, а кто просто убирал мусор по окончании рабочего дня.

Отец оставил на старом месте мать, меня и маленькую сестрёнку Тосю, а сам с Алексеем и старшими сёстрами Марией и Шурой отправился на новые места. Он забрал с собой всё оборудование мастерской, остатки товаров и

готового платья, поручив матери после окончания мною школы продать дом и всё ненужное имущество и переезжать в Выксу. Мы проводили членов своей семьи и с нетерпением стали ждать моих экзаменов, сдача которых открывает нам путь к новой жизни.

СВОЯ СУДЬБА, СВОЯ ИСТОРИЯ...

Его не стало более тридцати лет назад. Но по прошествии стольких лет памятно каждое событие, каждый штрих его биографии. Родился он в семье портного в марте 1903 года. В возрасте девяти лет из Зеленодольска, что в Татарии, наш будущий герой с семьей перебрался в Выксу. Здесь была учеба в школе, комсомол, начало трудовой деятельности. С нашим городом связаны самые судьбоносные перемены в жизни Федора Буданова. По путевке выксунского комсомола в 1923 году он ушел с товарищами служить в Военно-морской флот. Именно флот и стал его судьбой.

Вспоминая разные жизненные перипетии, Федор Васильевич писал очень трогательно в своей биографии о том,

Ф.В. Буданов. 1975 год

как учился сначала в сельской школе, потом был подмастерьем у отца и с удовольствием учился портновскому ремеслу. Позже, после революции, работал в рудном отделе Выксунских горных заводов. Какое-то время пришлось сотрудничать в отделе социального обеспечения делопроизводителем.

Как вспоминали его соратники по комсомолу, Федор Буданов был общительным человеком, деятельным, ответственным, исполнительным. Деловые каче-

ства его оценили сразу. А посему доверили быть ему в ту пору секретарем биржи труда, а потом — заведующим сектором статистики труда всего Выксунского уезда.

В числе первых одиннадцати молодых выксунцев в 1919 году он поступил в комсомол и сразу же обратил на себя внимание. Сумел вместе с друзьями-единомышленниками организовать работу физкультурного кружка (в особой цене тогда была физическая подготовка молодежи), редактировал первую в Выксе стенную газету «Комсомольский клич», а по вечерам вместе с другими ребятами ходил помогать детдому.

Рано становились парни взрослыми, уверенными в себе людьми. И вот уже пришло решение стать коммунистом. Служба на флоте, по воспоминаниям самого Федора Васильевича, закалила его, сделала сильным. Здесь, будучи рядовым матросом, он в октябре 1925 года стал членом партии.

С флотом его связали тридцать три года. Это — время учебы и годы войны, крепкая мужская дружба и проверка на стойкость и политическую зрелость. Флот стал для Федора Васильевича хорошей школой, где закаляются не только умы и сердца, но и проверяется идеологическая выносливость. Он знал, что никогда не подведет сослуживцев, как знал, что никогда не простит трусости и предательства. Поэтому всю жизнь его окружали верные друзья, чьей дружбой он дорожил особо.

В Великую Отечественную войну Ф.В. Буданов служил в составе действующих Балтийского и Северного флотов, Беломорской, Волжской и Днепровской военных флотилий. Он был на ответственных командных должностях. За выполнение заданий командования и за безупречное несение службы наш земляк награжден орденами Ленина, двумя — Красной Звезды, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями и наградами дружественных государств.

Известно, что в годы, будучи командиром корабля, Федор Васильевич Буданов проявил образцы мужества, успешно провел ряд боевых операций в Северном море,

которые вошли в историю российского флота. Пройдя путь от рядового матроса до контр-адмирала, он был и заместителем командующего Краснознаменным Балтийским флотом, и командиром одного из Военно-морских училищ, готовящих офицерские кадры для Военно-морского флота СССР, и руководителем курсов усовершенствования и переподготовки кадрового состава флота.

Судьба щедро наделила его событиями, которым суждено было стать эпохальными. И он старался всегда жить интересами страны, своей малой родины. Не порывал связи Федор Васильевич с земляками. Друг его комсомольской юности П. Хохлов с большой теплотой вспоминал о Федоре Буданове. Всякий раз, когда они встречались на Выксунской земле, собирали друзей, подолгу вспоминая о том, что пришлось испытать, чему довелось радоваться...

Последние годы жизни Федор Васильевич, выйдя в отставку, жил в Ленинграде. Он вел большую общественную работу, тесно связанную с подготовкой молодежи к службе в Вооруженных силах. С удовольствием читал лекции юным нахимовцам, кружковцам детских и подростковых клубов, рассказывал им о своей службе на флоте, о своей завидной судьбе.

Светлана Безрученкова.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Михайлович Арсентьев

Род Шепелевых	3
Д. Д. Шепелев – герой Отечественной войны 1812 года.....	11

Алексей Николаевич Баташев

«Баташ».....	26
--------------	----

Галина Константиновна Никулина

Находки краеведов.....	50
------------------------	----

Фёдор Васильевич Буданов

Как в Выксе на славу Отечестваковалось оружие.....	55
Отец переезжает на новые места	65

Светлана Безрученкова

Своя судьба, своя история... ..	68
---------------------------------	----

«Приокская глубинка» № 1 (12) 2012
Краеведческий альманах

Издание зарегистрировано
в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № ФС 18-3716 от 10.01.2008

Учредитель
Управление культуры
администрации Городского округа
г. Выкса

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Оформление обложки
Руслан Викторович Громов

Автор идеи
Юрий Владимирович Жулин

Адрес редакции
607060, Нижегородская обл.,
г. Выкса, микрорайон Центральный, д. 20

Свободная цена

Отпечатано в компании Print House
ул. Вавилина, д. 10, г. Выкса,
Нижегородской обл., 607060, Россия
Телефон 8 (83177) 6-10-24

Подписано в печать 10.01.2013
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ №